

CARL WERNER MÜLLER. *Kleine Schriften zur antiken Literatur- und Geistesgeschichte* (Beiträge zur Altertumskunde. Bd 132). Stuttgart und Leipzig: B.G. Teubner, 1999. 676 S. 4 Abb.

Карл Вернер Мюллер, известный немецкий филолог-античник, профессор университета в Сааре и один из издателей «Rheinisches Museum für Philologie», отметил свое 65-летие выходом в свет объемистого тома *scripta minora*. Рецензировать эту книгу нелегко: не считая двух последних заметок и речи автора при его избрании в Саксонскую Академию наук, в том включены 43 статьи. Чтобы только изложить их содержание, не говоря уже об оценке научного знания каждой из них, потребовалась бы статья, выходящая далеко за пределы журнальной рецензии. Нам, по-видимому, придется пойти другим путем и попытаться дать характеристику собрания *scripta minora* в целом, при том, что отдельные статьи будут только названы, в других – обозначена их тема, а третьи и вовсе не упомянуты, ибо «даже и при старании невозможно объять необъятное».

Вспоминая своих учителей, Мюллер говорит, что Г. Гертеру он обязан, помимо основательного филологического образования, приверженностью к детальному изучению материала вместе с восприятием классической филологии как целостной науки (*integrative Disziplin*) в духе Августа Бека и Г. Узенера (с. 653). На страницах ВДИ я имел смелость высказать крамольную мысль, что такой классической филологии уже давно не существует¹, – она распалась на древнюю историю, литературоведение, искусствознание и т.д., не говоря уже о вспомогательных дисциплинах. При этом, правда, необходимо признать, что «расщепление» классической филологии не препятствует появлению филологов, особенно пристально исследующих именно текст («слово») древнего памятника. К такому типу ученых принадлежит автор рецензируемого тома, в который не вошли изданные отдельной книгой статьи о фрагментарно сохранившемся «Филоктете» Еврипида² и об античной художественной прозе и ее фольклорных истоках (они, по сообщению автора, вместе с еще не опубликованными работами составят отдельный том).

Собрание статей К. Мюллера построено таким образом, что они сразу же дают представление о широте интересов ученого. Сначала идут работы, посвященные общим вопросам греческой духовной культуры: «Über den Erwerb der Tugend und jeglicher Tüchtigkeit» (с. 13–63; отношение к природе «доблести/добродетели» рассматривается на материале от Гомера до сократических школ); «Die schöne Tod des Polisbürgers oder 'ehrvoll ist es, für das Vaterland zu sterben'» (с. 54–80); вынесенные в подзаголовок слова Горация (*dulce et decorum est pro patria mori*) обозначают не начало пути широко известного положения, а как показывает Мюллер, его завершение, для чего естественно начинать изложение с Каллина и Тиртея; «Fremderfahrung und Eigenerfahrung. Griechische Ägyptenreise von Menelaos bis Herodot» (с. 81–100; опять временная шкала достаточно широка, причем уже при возникновении проблемы «свое» начинает осознаваться только при встрече с «чужим», как новое – при сравнении со старым, покой – с движением). К этим трем статьям можно присоединить и четвертую, отодвинутую в книге несколько дальше («Amasis und Anacharsis», с. 172–187) и посвященную сравнению в античной мысли деятельности и отдыха с натянутым и ослабленным луком. Дальше статьи идут в примерном хронологическом порядке исследуемых памятников, мы же позволим себе перейти к той последовательности, в какой самые важные для Мюллера темы получили отражение в его работах.

Свой научный путь К. Мюллер начал с исследования античной медицины и досократовской философии, стремясь обнаружить в обеих черты, характерные для древнегреческой общественной мысли второй половины V в. В настоящем томе этот период деятельности автора представлен четырьмя статьями, в том числе: «Der Aphorismus 2, 1 des 6-en hippokratischen Epidemienbuches» (с. 347–361) и «Die Heilung durch das Gleiche in den hippokratischen Schriften» (с. 362–386) – по содержанию статья примыкает к монографии автора «Gleiches zu Gleichem» (1965) с характерным подзаголовком «Ein Prinzip des frühgriechischen Denkens». Лечение «подобным» интересует Мюллера не с точки зрения того, что греки считали предпочтительным – гомеопатию или

¹ ВДИ. 1999. № 2. С. 240. См. также *Винокур Г.О.* Введение в изучение филологических наук. М., 2000.

² См. рец.: *Ярхо В.Н.* // *Eikasmos*. 1998. 9. S. 480–486.

аллопатию, а именно как отражение одного из основополагающих принципов раннегреческого мышления. Да и обсуждение двух фрагментов из античной драмы тоже служит выяснению вопроса, какие болезни зависят от самого человека, а какие посланы свыше³, и как в IV в. рассматривали соотношение "подобного с подобным"⁴. К этому же времени относится статья «Протагор о богах» (с. 253–277), в которой, в частности, подвергается сомнению достоверность сведений о процессе Протагора.

Впоследствии внимание К. Мюллера в области философии сместилось в сторону платоновских и послеплатоновских диалогов, результатом чего явилась сначала очередная монография⁵, из которой три очерка вошли в рецензируемый том (с. 13–53, 463–466 и 481–491)⁶, а уже в начале 90-х годов – ряд статей о самом Платоне: с какой целью была основана им Академия (с. 422–433), как рассматривался в ней вопрос о роли искусства (с. 393–421), каково было назначение «Менексена» с его «эпитафией» (с. 440–462).

Собственно литературоведческие вопросы стали привлекать к себе внимание К. Мюллера уже в 70-е годы. Сначала это были античный роман и новелла (см. в списке трудов, приложенном к рецензируемому тому, № 16, 23, 24), затем автор проявляет все больший интерес к Архилоху⁷ и древнегреческой трагедии. В 1984 г. вышло его очень интересное и совершенно оригинальное исследование о времени постановки «Царя Эдипа»⁸; в настоящий том оно по своим размерам (85 с.) вместиться не могло, зато вошли более поздние статьи «Der Tod des Sophokles. Datierung und Folgerungen» (с. 196–214) и «Die thebanische Trilogie des Sophokles und ihre Aufführung im Jahre 401» (с. 215–248). В 1990 г. появляется и первая из восьми статей, посвященных «Филоклету» Еврипида и составивших уже упомянутую выше книгу.

Не остались без внимания автора и филологические «мелочи» в текстах афинских драматургов: ст. 116 из эсхиловского «Агамемнона» (с. 186 сл.), заметки по поводу «Всадников» и «Женщины в народном собрании» Аристофана (с. 283–288, – в частности, в оправданиях Пафлагонца, Equit. 1224–1226, Мюллер видит намек на модную теорию относительности правды и лжи, связанную с именем Горгия).

К римским авторам Мюллер обращался достаточно эпизодически, и то, главным образом, в связи с их греческими предшественниками. Таковы статьи «Ennius und Äsop» (с. 526–557 – басня о хохлатом жаворонке, ее парафраз по Эннию у Авла Геллия и дальнейшая судьба) и «Aristophanes und Horaz. Zu einem Verlaufsschema von Selbstbehauptung und Selbstgewissheit zweier Klassiker» (с. 578–592; содержание статьи ясно из ее подзаголовка, а для сопоставления привлекаются 1, 4 и 10 из кн. 1 «Сатир» Горация и стихи из парабас «Всадников» и «Облаков»). Собственно римским поэтам посвящена только статья «Imaginationen des Todes in den Elegien des Tibull und Propertz» (с. 593–606).

По необходимости краткий обзор избранных статей Мюллера дает, тем не менее, достаточно представление о широте его научных интересов (от нравственной проблематики у Гомера до византийской рукописной традиции) и об их постоянстве: верности Мюллера предметом его любви могла бы позавидовать любая Сольвейг. Попытаемся теперь выделить некоторые общие для всех статей черты.

Прежде всего отметим искусство автора в анализе и интерпретации текстов – качество, владение которым и делает человека филологом в полном смысле этого слова. Для примера достаточно назвать статьи о «Менексене», о так называемой «фиванской трилогии» Софокла (см. ниже), об изображении смерти у Тибулла и Проперция, о басне про хохлатого жаворонка и крестьянина у Эзопа и Энния, – вот уж, казалось бы, предмет, меньше всего заслуживающий

³ Фр. 292 N из «Беллерофонта» Еврипида (с. 188–195).

⁴ Фр. 376 Менандра (с. 492–495). Заметим, что к «медицинской» тематике Мюллер вернется еще три десятилетия спустя: «Zur Textgeschichte und Verfasserschaft der hippokratischen Schrift De natura pueri» (с. 327–346).

⁵ Müller C.W. Die Kurzdialoge der Appendix Platonica. Philologische Beiträge zur nachplatonischen Sokratik. Studia et Testimonia Antiqua XVII. München, 1975.

⁶ Прибавим к ним еще две статьи, появившиеся позже: «Cicero, Antisthenes und der pseudoplatonische Minos über das Gesetz» (с. 558–577) и «Die Rezeption des pseudoplatonischen Dialogs περί ἀρετῆς in spätantiker und byzantinischer Zeit» (с. 630–648) – ею заканчивается научная часть тома.

⁷ Включенные в том статьи «Komik und Realismus in der frühgriechischen Dichtung. Archilochos Fr. 114 W.» и «Die Legende von der Erwählung des Dichters Archilochos» (с. 101–119, 120–127) являются более поздними дополнениями к опубликованной К. Мюллером ранее «Die Archilochoslegende» (RhM. 1985. 128. 99–151), не уместившейся, к сожалению, в рамки рецензируемого тома.

⁸ Müller C.W. Zur Datierung des sophokleischen Ödipus // Abhandl. d. Akad. d. Wiss. u. d. Lit. Mainz (Geistes- u. Sozialwiss. Kl. 1984. № 5). Mainz – Wiesbaden, 1984.

столь пристальной литературоведческого анализа, – бесхитростная басня с прозрачайшей моралью! – а с каким вниманием и искусством проникает К. Мюллер во все ходы мысли древних авторов.

Второй примечательной особенностью рецензируемого тома надо считать стремление автора на протяжении всей его научной деятельности обращаться к вопросам и источникам, не привлекавшим до того достаточного внимания или получившим, по его мнению, неудовлетворительное освещение. «До сих пор не замеченным» в связи с фр. 292 из «Беллерофонта» Еврипида остались фр. 339–340 из его же «Диктиса» (с. 194, примечание, добавленное в 1999 г.). «В новейшем исследовании, как кажется, не замечено, забыто или вытеснено, что античная наука о литературе знала две конкурирующие датировки года смерти Софокла» (с. 197). «Что составляет предмет обсуждения в диалоге [речь идет об «Ионе»]? Во всяком случае, как мне кажется, не то, за что его принимает большинство» (с. 393). В платоновском же «Менексене» К. Мюллер видит полемику с «Панегириком» Исократом и датирует диалог временем не после 386 г., как это принято, а после появления знаменитого произведения Исократом, т.е. вполне точно 381/380 г. «Этому противостоит, – замечает он, – единодушное мнение, что «Менексен» предшествует «Панегирику» и последний на него ссылается» (с. 445). «В изучении Каллимаха этот рисунок на вазе остался до сих пор незамеченным» (с. 520). «Два стиха Эниды... примечательным образом только изредка, и в этом случае большей частью недостаточно, привлекали внимание филологов» (с. 526). Число такого рода высказываний можно значительно увеличить⁹, но они не должны порождать представления о высокомерии автора: он каждый раз всего лишь подчеркивает необычность выбранной им темы или неожиданный подход к ней.

Приведу здесь два примера анализа, проведенного К. Мюллером, из наиболее близкой мне области: жизни и творчества Софокла. Статью о годе смерти поэта (см. выше) автор, как почти всегда, начинает со спора с установившимся мнением: большинство пишущих принимает за год смерти Софокла архонтат Каллия, т.е. 406/405 г., не утруждая себя проверкой положения, выдвинутого в начале XX в. Ф. Якоби. Между тем, сопоставление источников (Паросский мрамор, фрагменты «Хроники» Аполлодора, Диодор, hypothesis II ad Oed. Col. и др.) позволяет назвать и другую дату – архонтат Антигена, т.е. 407/406 г., которую еще в 1829 г. принял Ф. Ричль, а за ним – ряд других немецких античников. Мюллер проверяет заново все доводы, включая сюда и достаточно проблематичный вопрос о «переработке» Аристофаном в связи со смертью Софокла якобы уже написанной им комедии «Лягушки», и приходит к однозначному выводу: Софокл скончался в апреле 406 г., Еврипид опередил его на очень незначительное время. Мне это заключение представляется вполне убедительным¹⁰.

Название другой статьи – «Фиванская трилогия Софокла и ее постановка в 401 г. К ранней истории восприятия Софокла и передачи его текста» прозвучало для меня в свое время несколько неожиданно, так как я всю жизнь боролся с распространённым представлением, будто три фиванские трагедии входили когда-нибудь в связную трилогию. На самом деле, речь идет в статье о трилогии, составленной Софоклом-внуком после смерти Софокла старшего для того, чтобы показать афинянам незаконченную, как полагает Мюллер, трагедию деда «Эдип в Колоне». С этой целью, по мысли автора, Софокл младший не только без особого понимания замысла своего деда завершил «Эдипа в Колоне», но и внес свои добавления в уже давно написанные трагедии – «Царь Эдип» и «Антигона». Как признает сам Мюллер, для такой реконструкции нет прямых доказательств, но в ней нет ничего придуманного (с. 217, 228). И в самом деле, оправдан его скепсис (не без доли юмора, см. с. 231 сл.) в отношении большой сцены с участием Исмены (ст. 310–509¹¹) и ее дальнейшей роли (как ей могло быть позволено войти в священную рошу Евменид, а Креонту проникнуть туда, чтобы ее захватить, не совершая при этом религиозного преступления?). Правда, изъятие сцены с участием Исмены и в дальнейшем всякого упоминания о ней разрушает стройную фронтонную композицию «Эдипа в Колоне» (я придаю ей большое значение в эволюции структуры аттической трагедии), но симметрия, выявляемая с добавлением этих стихов, принадлежащих пусть не самому

⁹ См. с. 120, 139, 279, 386, 421 (прим. 1999 г.), 447, 468 (прим. 6), 469, 477, 509, 607 (прим. 1).

¹⁰ Этой связи пользуюсь случаем отречься от совершенно неосуществимого *lapsus mentis* в статье о Софокле в издании «Литературных памятников», где время смерти Софокла обозначено почему-то концом 405 г.! В собрании моих статей (*Ярхо В.Н.* Древнегреческая литература. Трагедия. М., 2000. С. 80) эта ошибка исправлена с отсылкой к статье Мюллера.

¹¹ Противоречия в этой сцене и трудности в ее толковании отметил – правда, в совершенном гиперкритическом порыве – еще в 1867 г. Шёлль, за которым с достаточной осторожностью последовали Шнейдевин и Наук в издании трагедии. Радермахер в издании 1909 г. эту аттезу отклонил. Доу в последнем тойбнеровском издании (1986 г.) о ней не упоминает.

Софоклу, а его преемнику, только подтверждает стремление афинских драматургов в конце V в. к такой трагедии, в центре которой находится событие, вовлекающее героя, а не его самостоятельное поведение¹².

Предположение о трилогии 401 г., независимо от признания или отклонения упомянутых стихов, имеет еще одно, очень важное последствие для критики дошедшего до нас текста Софокла. Я имею в виду не только признанное почти всеми позднее добавление заключительных ст. 515–523 в «Царе Эдипе», сколько ст. 905–912 в «Антигоне», с устранением которых до сих пор не могут примириться многие филологи. Главным их аргументом является наличие указанных стихов в «Риторике» Аристотеля, III. 16, 1417 а 27–35; но если указанные стихи появились в тексте «Антигоны» в постановке 401 г., то получает свое объяснение также их присутствие в тексте, которым пользовался Аристотель¹³.

Наконец, отметим очевидную обращенность Мюллера к современности с ее нравственными проблемами.

«Вопрос о происхождении способностей и ценности человеческой личности – центральная проблема современных эмпирических наук об обществе» – этими словами начинается рецензируемая книга (с. 13), и нельзя не признать их глубокой справедливости, в частности, и по отношению к нашему прошлому. Разве изгнание педологии, сугубая подозрительность ко всякого рода тестам, образование школьных классов по принципу «одна треть – способных, другая – средних, третья – лентяев и бездельников» не отражали убеждения, что все люди от природы равны и обучение может сделать гением любую посредственность? Посвящая большую статью мотиву «прекрасной смерти гражданина полиса» (с. 54–80), Мюллер находит нечто эсхатологическое в призывах Тиртея («воевать, не чтобы победить, а чтобы умереть»), прослеживает эту тему в немецкой литературе нового времени и завершает статью знаменательными словами: «После ужаса второй мировой войны и нашей собственной вины в эти годы – вовлеченность в смерть миллионов – мы не готовы больше принять допустимость какой бы то ни было ситуации, разрешение которой могло бы быть достигнуто только через убийство и смерть людей. Где это тем не менее происходит, мы рассматриваем это как капитуляцию разумной гуманности» (с. 80). Статья написана в 1989 г., но вывод этот нисколько не потерял значения и десятилетие с лишним спустя.

«Взаимозависимость медицины и экономики для нас – знакомая тема, всегда присутствующая в бесконечных дискуссиях последних лет о финансировании нынешнего здравоохранения» (с. 289) – с этого начинается статья «Medizin, Effizienz und Ökonomie im griechischen Denken der klassischen Zeit» (с. 289–326), в которой автор прослеживает возникновение медицинского «обслуживания» со времен Гомера до появления государственной врачебной помощи в Афинах в V–IV вв. и отношению к возможностям медицины. Нашим современникам тема эта тоже достаточно близка¹⁴.

Имеет ли смысл возражать по отдельным вопросам автору или предлагать свои добавления к работам, давно ставшим достоянием научной общественности? Тем, кто будет впервые читать статьи, вошедшие в книгу, это во всяком случае не повредит.

Говоря об отношении Архилоха к Гомеру, мне кажется, следует прежде всего условиться, кого мы имеем в виду под вторым именем. Если автора обоих поэм, то, конечно, сходство позиции Архилоха с ситуацией, в которую попал вымышленный герой Одиссея в Египте, сопротивляется противопоставлению двух поэтов. Если же мы датируем «Одиссею» первой четвертью VII в., а Гомеру оставляем одну «Илиаду» (а в пользу этого говорит многое), то «полемику» Архилоха (с. 102) с гомеровским героическим идеалом опровергнуть все-таки невозможно. Что касается роли паросского поэта в обосновании своих сограждан на Фасосе, то я остаюсь при мнении, высказанном в моей статье почти 20 лет тому назад¹⁵, несмотря на прим. 20 на с. 126.

Слова Платона в «Ионе» о поэте как «легком существе», да еще «окрыленном» (κοῖφος ὑδρὸς χρῆμα ποιητῆς ἐστὶν καὶ πτηνόν... 534b 3) удивительным образом напоминают аристофановских «Птиц» (1373–1405). Правда, в этой комедии не один поэт Кинесий мечтает стать

¹² См. *Ярхо*. Древнегреческая литература. Трагедия. С. 117 сл., 284–286.

¹³ К литературе вопроса, приведенной в статье (с. 245, прим. 109), теперь можно прибавить: *Hübner U. Interpolationspoesie in Sophokles' Antigone // Philologus*. 1997. 141. S. 29–38. Впрочем, автор заходит слишком далеко, считая интерполяцией весь текст от ст. 891 по ст. 943.

¹⁴ См. также с. 52, 55, 62 (прим. 23), 76 (прим. 74), 172, 407.

¹⁵ «Еще раз о социальной позиции Архилоха» (1982); см. теперь в кн.: *Ярхо В.Н.* Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика. М., 2000. С. 199–214.

окрыленным, но к нему «крылатая» лексика применяется наиболее настойчиво¹⁶, и читатель может поинтересоваться, как это расценивать у Платона: как прямое заимствование из комедии или в обоих случаях отражение распространенного в обществе убеждения? Небольшое добавление не помешало бы — на с. 442, где речь идет о вере афинян в свою автохтонность, — я имею в виду монолог Праксифеи из еврипидовского «Эрехфея» (fr. 50 Austin = fr. 360 Nauck, v. 7–10)¹⁷. Что касается смерти как единственного выхода при невозможности завоевать расположение любимой (с. 594, 596), то здесь приходят на ум — при всем их душевном отличии от лирических героев Тибулла и Проперция! — менаандровские молодые люди: Полемон или Фрасонид (Peric. 976; Misum. 309 sq., 393).

Любопытные соображения возникают в связи со статьей о стенной мозаике, найденной в 1864 г. в Риме (с. 607–622). Автор проявляет прекрасную осведомленность в иконографическом материале, что характерно и для его статей, посвященных позже реконструкции «Филоктета». Вероятно, и в самом деле на фреске изображены Ио и Аргус, но приложенная репродукция, на мой взгляд, не позволяет увидеть в лицах персонажей столько психологических оттенков, сколько хочет найти их автор (с. 608 сл.). Другой вопрос связан с возникновением того варианта мифа, по которому стоглазый неусыпный страж превращался в кроткого возлюбленного Ио, — не стал ли Аргус с самого начала соперником Зевса, привлеченного красотой девушки, как это было в древнейшей версии мифа об Актеоне, покушавшемся на любовь Семелы¹⁸? Как в этом случае Зевс избрал орудием мести Артемиду, так в истории с Аргусом поручил расправу Гермесу. Если это так, то влюбленного в Ио легче было представить себе в виде юноши, чем страшного чудовища, особенно на орхестре афинского театра, к которому Мюллер возводит отклики на этот сюжет в изобразительном искусстве. В поисках прототипа для перетолкования мифа он склоняется к трагедии (с. 620), но допускает и драму сатиров. Я бы поддержал вторую возможность, помня другой пример: как необузданный в своем героическом темпераменте Геракл превратился в покорного прислужника Омфалы. Произошло это именно в сатирических драмах Иона и Ахея¹⁹.

Наконец, совершеннейшие мелочи. Статья «Schreibkunst oder Malerei?» сопровождается в оглавлении подзаголовком (Hippokr. De vet. med. 20) — на с. 387 подзаголовок отсутствует. В указателе нет отсылок к стихам 205–210 из «Хоэфор» Эсхила, которые используются в начале статьи «Der 'zweite Beweis' als Wahrheitskriterium» (с. 182 сл.)²⁰. Упомянутый на с. 511, прим. 8, Smotytsch на самом деле — рано умерший львовский античник Smotrytsch. Других опечаток я не встретил.

В информационном листке, предшествовавшем выходу в свет собрания статей К. Мюллера, издательство охарактеризовало его книгу как «образцовый срез деятельности в области классической филологии на смене столетий». Рекламные проспекты не всегда говорят правду. В нашем случае, наоборот, надо признать полное соответствие обещанного истине.

В.Н. Ярхо

¹⁶ πετρηός 1393; (ἀνα)πέτοαι 1373, 1374, 1384, 1405; πτερόν 1375; πτέρυξ 1373; πτερώ 1383, 1408; πτεροειής 1390, 1402 — 11 раз на 36 стихов повторяются однокоренные «крылатые» слова. Ср. также πτερούεσσι κόφαις (1373) и κοφώταταις πτερούων ἀκταῖς (Ran. 1352).

¹⁷ См. ВДИ. 1999. № 4. С. 46.

¹⁸ См. ВДИ. 1983. № 3. С. 124. Теперь отрывок вошел под № 217 А в изд.: Hesiodi Theogonia, Opera et dies, Scutum / Ed. Fr. Solmsen; Fragmenta selecta / Ed. R. Merkelbach, M.L. West. Ed. tertia. Oxonii, 1990.

¹⁹ TrGF. V. 1. № 19, F 17a–33a; № 20, F 32–35.

²⁰ Сам этот пример меня очень заинтересовал как отклик риторики, который я пытался найти также в «Просительницах» Эсхила (Ярхо. Древнегреческая литература. Трагедия. С. 72–76).